

Екатерина ХРАМЕНКОВА

СЛЕПОК ЧУВСТВ

Анна Грувер. Демиурги в фальшивых найках / Пер. с украинского В. Коркунова. – М.: UGAR, 2020. – 68 с.

Поэтический сборник Анны Грувер «Демиурги в фальшивых найках», вышедший в 2020 году, обрушивает на читательниц/-лей вопросы, на которые не все захотят ответить даже себе.

Как отрефлексировать боль, которая еще не изжита?

Как вырваться из кокона, подобного тому, которым запеленывали мертвых? Он сковывает человека, закрывает рот и уши, – не различить слов поддержки и дружеских голосов, не попросить о помощи, и только глаза остаются широко открытыми, воспринимают, пока не появится желание ослепнуть от невыносимой картины, от собственного присутствия в пространстве страдания, или их не закроет милосердная рука.

Сборник состоит из четырех частей, четырех кругов Грувер, ведущей нас от одинокого «Я», в части «Монстры (не) бывает», через подростковое одиночество внутри общности: «Ор. № 1 на четыре детских голоса и сломанный автоответчик». Здесь перемежаются темы потребности человека в других и жестокости группы, в которой оказывается тот или иной ребенок. Но и эти минисообщества людей, как и каждая/ый в отдельности, страдают от общего чувства неприязни, от холода действительности условно взрослого, бессмысленного в своем равнодушии мира. Это выводит читателей к третьей части: «Одна из нас»¹. В ней, за трагизмом поднятой темы насилия в жизни женщин, раскрывается другая значимая тема – потенциальной силы общности, которая способна послужить преодолению страдания. В четвертой части: «Демиурги в фальшивых найках» продолжают темы подростков – и студенток, войны в Донбассе, напоминающей о второй мировой и фашистах. Прячется еврейский ребенок в шкафу – выходит старик, встречает соцработницу и слышит об обстрелах, что, как и прежде, идут, и можно вновь прятаться и ждать родителей, которые уехали много-много лет назад и еще не вернулись. Проблемы антисемитизма перекликаются с буллингом, направленным против гомосексуалистов. Жестокость по отношению к непохожим, ксенофобия не исчезают целиком, а лишь меняют субъектов преследования и чуть затихают. Но любое длительное неблагополучие вновь формирует эту энергию ненависти в людях, и от этого становится страшно. И противостоять этой ненависти пытаются все те же подростки:

он умеет рисовать мутантов я умею рисовать людей
а лучше всего у нас получаются тушканчики
мы двое и есть та самая анонимная редколлегия
но школе не нужны мутанты школе не нужны люди
нужны отравленные шприцы СПИДУ НЕТ
нужна бутылка в огне АЛКОГОЛЮ НЕТ
школе не нужны тушканчики
не нужны мы
<...>
а потом мы нарисуем так много тушканчиков
что они заполнят всю землю
и не останется места для долбогзрослых и зла
полная земля тушканчиков и два демиурга в фальшивых найках

¹ Часть «Одна из нас» в оригинале называется «одна з нас», а в переводе, с согласия авторки, «#однаизнас»

Как когда-то Холден Колфилд, сэлинджеровский подросток, современник второй мировой, двое героев Анны Грувер из приведенного отрывка готовы противопоставить свой голос миру «долбовзрослых» и зла, даже если это заведомо обречено на неудачу.

Все стихотворения переведены с украинского, ставшего языком высвобождения поэтической речи, по словам самой Грувер¹. В них звучит возврат права на собственное проживание потери и ее личную интерпретацию, поиск того, что связывает прошедшее-невозвратное – с оставшимся-явственным.

До семнадцати лет Анна Грувер жила в Донецке – этот город имеет ее собственные внутренние карты, отличавшиеся от внешнего образа. Город, искаженный войной, совершенно изменивший свой облик. Даже восстановленный, он уже не сможет быть прежним. Он будет иным, самой новизной напоминая о войне. И возврат к знакомому образу возможен только изнутри. Это путь от себя к городу, через воссоздание его географии, маршрутов, странных диалогов, вымышленных или подлинных, обрывков слов, услышанных когда-то на улицах, в которых переплелось прошлое и тревожное настоящее. В этом городе словно живут призраки и живые одновременно.

Он вовсе не связан со счастьем, скорее, наоборот, но это значимое место, так или иначе переплетенное со словом «Дом». И сохранить его можно, лишь воссоздавая в изменившейся действительности собственный внутренний город.

Первая часть сборника больше похожа на борьбу между воспоминанием, фиксацией прежнего впечатления и ужасом, безобразностью войны, которая не упоминается прямо, но кладет на все отпечаток. Ее невозможно вычеркнуть из памяти, потому что травма не прожита, и читатели видят ее как рану на теле города.

С первого стихотворения сборника мы оказываемся на одной из главных улиц Донецка, следуем за лирической героиней, замирая, следим за иллюзорностью внешних примет, кажущихся обычно столь надежными в своей материальности. Они «рифмуются» друг с другом, создавая противопоставления «высокого» и «низкого» с тем, чтобы внезапно оказалось, что ничего этого нет: ни города, ни улицы, ничего, кроме идущего человека:

иду по улице розы люксембург
рифмую водосточную трубу с червяком
канализацию с жёстким небесным диском
<...>
и никто в торжестве не виновен
ты хочешь сказать никто не именинник

иду по улице розы люксембург
с корабля на бал скоробянабал скоро бля наебал
концепты летают низко к дождю
навстречу школьница на зубах брекеты
не керамика просто скобки
улицы нет города моего нет я иду
и не вижу наёбки

Вторая часть переносит нас в эмоцию гнева. Мало кто умеет так яростно злиться, как подростки, которым и так сложно понять, зачем они здесь, найти опору и научиться пользоваться возможностью выбора ответственно. Для этого нужно принятие мира, но в

¹ «В 2014 году, после затянувшегося молчания, стихотворные строчки сами собой стали проговариваться на украинском языке. Это был странный неконтролируемый процесс, билингвальное от рождения сознание тяжело объяснять изнутри. Украинский язык меня освободил, я поняла, что прежде такая внутренняя свобода, честность и откровенность были невозможны» (Из интервью Анны Грувер онлайн-журналу «Литература», №113, март 2018).

поэзии Грувер смыслы у них отобраны оружием и цинизмом происходящего. Подростки несут в себе, отражают и воспроизводят в личных отношениях отраву нелюбви, которой охвачен город. Быт в виде учебы, хаотичные запросы в гугл, воспроизводящие распространенные у тинейджеров страхи, агрессия и неизвестность завтрашнего дня, отбирающая надежды:

июль идёт
расцветают танки
станислав кириллович ходит в белом как на смерть
я молчу второй месяц

и во мне отмирает уже вторая четверть

Здесь нет утешения, только фотография действия энтропии, порожденной людьми. Впечатление от этих стихов похоже на день с «Гражданской обороной» в наушниках. Это выплеснутая правдивость тяжелой стороны реальности, из которой немедленно хочется уйти. Она невыносима и требует изменения только тем, что существует. Авторка словно отказывается от выражения своего мнения о происходящем, действуя как свидетельница, позволяя увидеть обезображенную разрушением гримасу действительности. И от того, что здесь нет патетики или призывов, невысказанное обращение действует еще сильнее, это становится не голосом одного человека, но голосом всех подростков, невольно разделивших историю города.

«Одна из нас» посвящена женщинам. Все они оказываются одиноки, сталкиваясь с разными сторонами насилия, с передающейся историей женской боли, будь то выкидыш ребенка, домашний абьюз или домогательства. Но за этой разъединенностью, рефреном, объединяющим всю часть сборника, звучит, что каждая из них – одна из нас, каждая из нас, читающих это, имеет свою тайну или тень, роднящую с ними. Так создается сестринство и преодолевается изначальное одиночество женщины, которая одна против молчаливых стен, табуированности и чужих высокомерных оценок ее положения.

может ли женщина на неоновой вывеске
успешно скрывать вечные семейные ценности
под тяжёлой оправой тяжёлого бренда
а цены падают цены падают

вы сказали
могу ли я вам помочь
а чем вы можете помочь хотя бы одной

одной из нас

Несмотря на сходство в графическом способе письма и в проработке темы насилия, Анна Грувер не предлагает выхода, какой можно услышать в «Ветре ярости» Оксаны Васякиной. Здесь не слышится прямого ответа, как вырваться из этой темноты страдания, с которой веками сталкиваются женщины. У Оксаны Васякиной есть концентрированная сила преодоления, ее слово и метафорика наполнены особенной свободой, борьбой и утешением, в ее поэзии если не жизнь, то хотя бы смерть и мягкая колыбель земли способны успокоить боль женщин. Она берется остановить на себе этот круговорот, противостоять ему собственным выбором, несмотря на вовлеченность в этот цикл. Анна Грувер словно еще находится в не до конца отрефлексированном отрезке переживания, донося отчетливость снимка своих чувств или чувств своих героинь/ев без вывода, что с этим одиночеством, разобщенностью, войной или насилием в женской жизни можно

сделать живому человеку, не теряя способности чувствовать. И это тоже самоценно – успевать передать сильное впечатление, находясь изнутри какого-то опыта. Но, как и в «Ветре ярости», здесь есть сострадание и признание в разделении этой общей боли, сочувствие к наиболее уязвимым в системе неравенства людям. А когда явления называются своими именами, прерывается чугунное, тягостное замалчивание, и стены ломаются словами. И чем больше появляется голосов, говорящих об этом, тем больше укрепляется этика, при которой равнодушие становится постыдным, а насилие – недопустимым. И властный мир, закрепляющий систему контроля и устрашения, – отступает.